КРУЖЕВНИЦА

— Не купишь ли, барынька, нашихъ балахонскихъ кружевцовъ, прошивочекъ, аль косыночекъ, говорила съ передышкой плотная, зажиточно одѣтая женщина, уже въ лѣтахъ, а сама привѣтливо глядѣла барынѣ въ глаза и протаскивала за собой въ дверь узелъ и двѣ коробки; — дорого не возьму, дашь нажить двугривенный, такъ и за то пошли Господи спасенье дому твоему!

— Да ты, бабушка, въ такую распутицу обуви протрешь на двугривенный, какіе тутъ барыши?

— И, матушка, мужъ не пожалѣетъ на меня, наново обуетъ!

— А коли не пожалѣетъ, такъ я бы на твоемъ мѣстѣ взяла двугривенный его, да съ нимъ бы и сидѣла дома, чѣмъ выхаживать его въ такую непогоду!

— Не про себя я хожу, матушка, мы–то, благодаря Бога, такой нужды не знавали, какую Господь людямъ посылаетъ, мой–то,

сударынька, чуть не офицеръ, а что пенсію, такъ какъ есть за офицера получаетъ, выслужилъ у царя, спаси его Богъ; дѣтокъ у насъ и не бывало, съ насъ двоихъ и будетъ; а мужъ хорошій у меня старикъ, и люди уважаютъ его, добрѣ грамотѣ знаетъ и читаетъ божественныя книги, не какъ вотъ у сосѣдки нашей, вотъ что у милости вашей была на той недѣлѣ, какъ сказывала, съ полотномъ–то: она сердечная только что колотится, а не живетъ; ты знаешь ли, родная моя, что она вотъ ѣздитъ по городамъ–то, такъ пьяницу своего съ собой возитъ, напоитъ, и уложитъ въ сани, словно тушу какую, и поѣдетъ съ полотномъ; дома–то шестеро малыхъ покинь, погодки все, на половину ерзуны, а хозяина вези съ собой, чтобы не снесъ въ кабакъ изъ дому послѣдней кочерги, да куда не пріѣдешь, тамъ и напой его скорешенько, только тѣмъ и уймешь, и успокоишь его; вотъ какое житье! А что я–то съ кружевомъ хожу, такъ ты на это не смотри, я по обѣту, для братца родимаго стараюсь, и послѣдніе слова высказала полушепотомъ.

— Что же братецъ у тебя, больной?

— Нѣту, лебедушка, передъ Богомъ братецъ мой, небесное царство ему, передъ Богомъ; а я вотъ для дочки братцевой, да внучатъ его, обѣтъ приняла, трудиться для нихъ, и что руки да ноги заработаютъ, что Богъ и добрые люди дадутъ, то на нихъ отдавать; мужъ–то мой, хозяинъ, и ничего бы, онъ ину пору и самъ даетъ на нихъ, да родня мужнина коритъ меня за это, есть у него свои, и племянники, и внуки, а все голь, ну и говоритъ мнѣ: твоя–де родня дядину кровь сосетъ, а легко ли мнѣ слышать–то такое слово? Опять же на нищую семью хлѣба не наямишься, надо промышлять самой. Думая такъ, я однако, чтобы хлѣбца подать внучатамъ братнинымъ, стала было маленечко на харчи накидывать: что ни пойду на базаръ, по домашности, пяточекъ и отложу на нихъ: одеженку–ли покупаю какую, что выторгую, то опять–таки имъ; ну, и ничего, мой–то не скупъ на меня, не спрашиваетъ, такъ дѣло это у насъ и идетъ. Вотъ я какъ–то вернулась съ поѣздки, давно вѣдь ужь

это было, мужъ и говоритъ мнѣ: «поди, тамъ что–то у твоихъ нездорово;» я туда, а ребятишки гдѣ еще завидѣли меня, кричатъ: «Бабушка, сударушка, золотая, дай хлѣбца.» Я имъ гостинца, жемочковъ принесла, а они свое, хлѣбца дай! Что за напасть сталась, пошла съ ними въ лавочку, такъ еле дождались какъ отвѣсили, по куску разнесли, да ну уплетать! Отецъ–то, вишь, столяръ у нихъ, да занемогъ, слегъ, и хлѣба Божьяго не стало! Ну, некуда дѣваться, надо мужа просить, ничье сердце не утерпитъ, на голодныхъ глядючи. Тихонычъ! «А–ась...» Ну, думаю, коли а–ась, такъ что–то не ладно; погляжу ему въ лицо — а онъ сумрачный насумрачный сидитъ.... бѣда, думаю, какъ тутъ заговорить съ нимъ! Сѣла я было за кружева, прикусивъ языкъ, — коклюшки путаются, въ глазахъ рябитъ. Вѣдь тоже дѣло–то мое не молодое, а тутъ и горе... бросила, дай, говорю, со скуки переберу корабью, одежонку перетрясу, — а это, знать, мужъ любитъ, скопидомкой за это зоветъ — стала стряхивать праздничный

сюртукъ его, что–то отозвалось въ карманѣ — я рукой туда — цѣлковый! Стамъ рублямъ бы такъ не обрадовалась, сударынька! Наскоро убравши все, я тутъ же снесла его племянницѣ — слава Богу, хоть на хлѣбъ будетъ; а сама иду домой, и раздумываю: ладно ли я сдѣлала? Чай надо было у мужа спроситься, а я украдкой; вотъ я ему эдакъ стороной и говорю: Тихонычъ, у насъ въ Балахнѣ жена отъ мужа тихую милостыню подаетъ, ладно ли это? А онъ: коли не ладно укравъ Часословъ, да: услыши, Господи молитву мою! Ахъ ты Господи, что тутъ дѣлать! Я втѣ поры за кружевомъ сидѣла, на масло плела, по обѣту также, да и подумала: Мать Пресвятая Богородица, ужь полно, въ угоду ли тебѣ лампадка–то, коли семеро безъ хлѣба сидятъ? Глянула на икону–то, а отъ лика ея на меня словно тишью повѣяло — я все на нее гляжу, и подумала: спрошу я хозяина — а онъ у меня божественныя книги читаетъ, и мнѣ ину пору слушать велитъ, и хорошо таково тамъ писано... Тихонычъ, что ради Бога лучше, свѣчку ли

ему поставить, аль милостыню подать? А онъ: «Спаситель говоритъ, милостыни хощу, а не жертвы»; когда свѣчу ставишь, говоритъ, значитъ жертвуешь; а милостыню подаешь нужному, значитъ милость творишь. Словно разсвѣло у меня на душѣ отъ такихъ его рѣчей — вотъ оно что, божественныя–тѣ книги читать; а мы вотъ люди темные, и нехотя согрѣшаемъ — не знаешь, въ чемъ грѣхъ, въ чемъ спасеніе! Кабы не Тихонычъ, я бы такъ все, словно въ потьмахъ, изъ стороны въ сторону шаталась, и на хлѣбъ внучатамъ таскала бы украдкой, а на неугасимую Богородицѣ работала бы день и ночь, и глаза бы себѣ послѣпила! Такъ вотъ, золотая моя сударушка, какъ увидѣла я свѣтъ духовный, такъ съ того часу и наложила я на себя обѣтъ: мужа не обманывать ни на копѣечку, и покаялась ему во всемъ; добра его на свою нищую родню не переводить, а трудиться весь вѣкъ свой, и коклюшками–то, и переторговывать, трудиться на братнину семью — оно и по душѣ его пойдетъ и накормитъ голодныхъ. А вотъ

какъ я дура–то заживо было похоронила мать, да она сердечная черезъ годочекъ побывшилась, такъ Тихонычъ и не велѣлъ мнѣ на похороны своей трудовой копѣйки рушить, отдай говоритъ, по душѣ ея, своимъ, тамъ помолятся, а мать схоронить это мое дѣло!

— Все это хорошо, тетка, и оба вы съ мужемъ хорошіе люди; да какъ же ты это мать–то было похоронила? Знать обмирала она, что ли, у тебя?

— Нѣту, матушка, лебедушка моя, не обмирала она сердечная, а такъ это я сдуру, потѣшить ее захотѣлось. Она вишь ужь добре стара была, и немощна, ужь только ину пору на солнышкѣ погрѣться съ печи слѣзала, вотъ она, царство ей небесное, и говаривала бывало: «Аннушка, а жалко тебѣ будетъ меня хоронить?» Кормилица моя, говорю, да кого же и жалѣть, коли не матушку родную, что на бѣлъ–свѣтъ, на святорусье народила! Что мнѣ, дѣтей не далъ Богъ — ты, да хозяинъ, вотъ и вся тутъ! «Ладно–де дитятко, а станешь ли выть по мнѣ, по закону?»

Мамынька, да какъ–же не взвыть по тебѣ, какъ понесутъ на Божье поле! «А причитать–молъ, по–законному станешь?» Ну, вотъ этого, кормилица моя, не стану, не умѣю, и въ жизнь ни покомъ не причитывала! «Не ладно будетъ, Аннушка, люди скажутъ: ей матери не жалко; хоть ни покомъ не причитывала, а по родной матери надо.» Мамынька, да какъ же сказать–то имъ это, коли всѣмъ вѣдомо, что вотъ уже 30 годовъ замужемъ живу, а не въ одномъ словѣ тебѣ не перечила. А причитать не умѣю; вѣдь плачъ плакать надо складно, а то люди тоже осудятъ, а я не умѣю. «Такъ–то такъ, Аннушка, а все не ладно будетъ, коли по мнѣ причитать не станешь; скажутъ: вотъ, она чуть не офицерша и зазналась, и по матери не плачетъ. Полѣзай–ка, Аннушка, на–печь ко мнѣ, сядь на край, ну вотъ и слушай, я тебя научу, и говори за мною.» Вотъ мамынька–то, сѣвши, и стала покачиваясь плакать: «Солнышко ты мое красное, ты куда закатилося! Лебедушка моя ты бѣлая, а ты что не шалохнешься! А–и словечушка не

промолвишь, крылышкомъ не приголубишь!...» Мамынька, говорю, да какъ же я стану бѣлой звать тебя, вѣдь ужь мы съ тобой не кровь съ молокомъ, ты вѣдь чнрна, да худая... «Ничего, дитятко, это любя такъ говорятъ въ причитаніяхъ, это съ жали; а ты говори за мной голосомъ, и кулакомъ–то такъ бороду подопри, вотъ, да головушкой–то и покачивай: Статенушка моя писаная...» Мамынька, да что жь мы съ тобой станемъ людей смѣшить, ужь какая жь ты статенушка! «Эхъ, Аннушка, а ты знай причитай за мною, такъ годится; да тутъ не ладно на печи — вотъ погоди–ка я лягу на лавку подъ образа, а ты сядь въ ногахъ, да открой окошечко, да причитай за мною голосомъ». Вотъ она сударушка моя легла, и вытянулась, и оправилась одежей, и руки скрестила на груди, и стали мы причитать голосомъ, громче да громче; она–то услаждается, а я–то слезами обливаюсь, да ужь волкомъ вою.... кто–то услышалъ съ улицы, заглянулъ въ окно, сказалъ сосѣдямъ, народъ всполошился — тоже вѣдь, не безъ добрыхъ людей —

сбѣжались, а мы съ мамынькой никого не видимъ, не слышимъ — побѣжали сосѣди за мужемъ, за попомъ — говорятъ: у Тихоныча въ два голоса воютъ, старуха померла — воетъ–то дочь, а другой кто? Анъ это сама, прости Господи, покойница и плачъ ведетъ, а та за нею! «Дура ты дура, что это дѣлаешь», закричалъ мужъ, тряхнувъ меня за плеча! Я тутъ только и опомнилась... гляжу, мамынька–то сидитъ, а подлѣ отецъ духовный, разговариваетъ ее... Вотъ, барынька моя, до чего бабья–то дурь доводитъ.....

Барынька заслушалась кружевницы, которая плела красно и языкомъ, и вопросомъ о дѣтяхъ племянника ея, развязала ей еще болѣе рѣчь.

— Малы еще, матушка, да пятеро, одолѣли; ину пору пристанутъ ко мнѣ, какъ пріѣдешь, да навѣдаешься съ чѣмъ Богъ послалъ, изъ своихъ–то заработковъ — баушка, раззолотенькая, разкажи да разкажи сказочку! Вѣдь дѣти до сказокъ, что мухи до браги, падки; вотъ пристанутъ къ тебѣ, да осядутъ, словно рѣпьи — а я

споконъ–вѣку на сказки–тѣ не горазда, памяти зна'шъ нѣтъ; вотъ и зачну сказывать имъ побывальщину, про честную вдову свѣтъ Аннушку — это про свою мать, то–есть — какъ жила она своимъ молодымъ разумомъ, какъ она дѣтушекъ двоихъ жалѣть жалѣла, а баловать не баловала, приграживала; тутъ и начну прибирать, чему насъ съ братцемъ–то, царство ему небесное, матушка покойница учила: такъ и такъ молъ дурить не ладно, за это яга–баба въ мѣшокъ унесетъ, въ ступѣ утолчетъ; и на мать огрызаться не годится, языкъ присохнетъ; и въ чужой огородъ не лазить, тамъ сидитъ бабища–капустища, у нея голова качанная, руки морковныя, ноги рѣдечныя, сама въ рѣпьяхъ, хмелемъ подпоясана, въ рукахъ хворостина долгая, изъ–за угла стегнетъ — а они слушаютъ, дышатъ, другъ на–друга глядя, да на–усъ мотаютъ; ну и пойду сказывать, чтобы поразмаять ихъ послѣ страху–то: а дѣтки у нея сестрица Аннушка съ братцемъ Иваномъ жили мирно, любовно, совѣтно, и ссорушки межъ нихъ не бывало; и какъ они

матушки своей родименькой не то что подмогой были, а подростя и укрывомъ стали; какъ братца Иванушку, единымъ единаго вдовьяго сыночка, сиротинушку, невчередъ въ солдаты сдали, за то, что заступиться было за него некому, а великъ желвакъ, да въ чужомъ боку не болитъ; какъ дядька братнинъ до него добръ былъ, и домой пускалъ его, и самъ съ нимъ прихаживалъ, да и женился на Аннушкѣ; какъ онъ просьбу царю написалъ, что не по правдѣ отдали Аннушкинаго братца, старше его есть по волости, и тройниковъ, кои по–богаче, обошли; какъ братцу царская милость, отставка вышла, черезъ годъ соднемъ, и воротился онъ домой, къ женушкѣ, къ доченькѣ, къ милымъ ея дѣтушкамъ, а нынѣ сиротинушкамъ; не долго пожилъ, сердечный, Богъ смиловался, прибралъ; какъ всѣ они послѣ того жили, поживали, горе мыкали, бѣды изживали; какъ дѣтки баушки слушаются, а она Бога умоляетъ, на хлѣбъ дѣткамъ добываетъ….

И разжалобясь сама надъ своею побывальщинкою, кружевница моя прослезилась, и прибавила.

— Вотъ, матушка моя, сударынька, я и хожу по обѣту, за братцевыхъ внучатъ, что Богъ пошлетъ, за то и молюсь, а мужнинаго добра не извожу на нихъ, чтобы не слыхать покору отъ роденьки его....

В. ДАЛЬ.